

Н. Н. Богданов, А. И. Роговой

КТО ВЫ — АНДРЕЙ ДОСТОЕВСКИЙ?

(К прояснению биографии деда писателя)

Осенью 2006 г. исполняется 500 лет роду Достоевских, давшему миру одного из величайших писателей Нового времени. Между тем, в родословной росписи гения мировой литературы присутствует досадный разрыв, касающийся его ближайших предков. И хотя он составляет, по разным оценкам, всего три–четыре поколения, протянуть единую родственную нить от самого Федора Михайловича к основателю рода — Даниилу Ртищичу, 6 октября 1506 г. получившему в наследственное владение то самое село Достоево в белорусском Полесье, которое определило именование всего рода Достоевских, не представляется возможным. К великому сожалению, до сих пор «молчали» не только документы: по каким-то до конца не ясным причинам в родственном окружении писателя почти не сохранилось семейных преданий о своих наследственных корнях. В результате, Достоевский оказывается *единственным* крупным русским писателем, так сказать, «отрезанным» не только от своих предков по отцовской линии, но и от «родового гнезда».

Со времени Ореста Миллера, опубликовавшего первую биографию Достоевского, и до сегодняшних дней многие исследователи, включая Н. П. Чулкова, С. В. Любимова, М. В. Волоцкого, А. А. Достоевского, Л. П. Гроссмана, Г. Ф. Коган, Г. А. Федорова, Б. В. Федоренко и И. Л. Волгина, пытались найти недостающие звенья в цепи замечательного рода. Однако, несмотря на ценнейшие находки, полная роспись поколений Достоевских до сих пор не составлена. Глобальные катаклизмы XX в., потрясшие до основания всю Европу, — две мировых войны и три российских революции, распад Советского Союза — и как следствие полная или частичная гибель уникальных архивов и библиотек, равно как и длительные ограничения в изучении целых периодов исторического прошлого России и Польши, с которыми связана судьба славного рода, а также почти десятилетний

запрет на имя писателя на его родине, наложенный сталинским тоталитарным режимом, на долгие годы делали любую работу в этом направлении невозможной. И вот сейчас нас вновь увлекает надежда, что утерянные звенья могут быть наконец найдены! Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена результатам поисков последних лет. Они касаются одной из ключевых и вместе с тем совершенно таинственной фигуры в интересующей нас области — деда Ф. М. Достоевского по отцовской линии. Именно к его фигуре стягиваются нити многих загадок биографии рода, в первую очередь — история разрыва с семьей отца писателя — Михаила Андреевича, мотивы его ухода в Москву. Предметом многочисленных дискуссий остается по сей день и самая личность М. А. Достоевского, несомненно, оказавшего колоссальное влияние на формирование сына. Итак, о чем же можно говорить сейчас с большей или меньшей уверенностью?

Как свидетельствуют новонайденные документы, дед Федора Михайловича — Андрей Достоевский родился около 1756 г. в семье польского мелкопоместного шляхтича Григория Достоевского. Местом его рождения оказывается небольшое селение Клечковцы под Луцком.¹ Однако уже в 1775 г. при каких-то неизвестных пока обстоятельствах Григорий Достоевский продает свою вотчинную часть вместе с крестьянами некоему Адаму Буражинскому² и со всем семейством перебирается гораздо южнее — на земли Брацлавского воеводства. Ценность отысканных свидетельств такова, что уже здесь в нашем повествовании следует сделать паузу и критически оценить существовавшие ранее представления.

Прежде всего, полностью отпадает восходящее к воспоминаниям брата писателя — Андрея Михайловича Достоевского — мнение, будто отчество их деда было *Михайлович*.³ Еще М. В. Волоцкой посчитал, что для этого слишком мало оснований и в своей «Хронике рода Достоевского» отметил отчество знаком вопроса.⁴ Однако в работах ряда последующих биографов этот знак как-то затерялся.⁵ Далее становится ясным, что отысканная с таким трудом, по крупицам информация о носителях славной фамилии в XVIII в. — о Станиславе Достоевском, уступившем около

¹ Ныне село Кличковичи Турийского района Волынской обл. См.: Государственный архив Житомирской области (далее ГАЖО), ф. 146, оп. 1, д. 2214, л. 13 («Дело Волынского депутатского собрания о дворянском происхождении Достоевских»). Разумеется, шляхетство отнюдь не делает Достоевских поляками: ведь служба Российскому Императору не сделала русскими швейцарца Эйлера или грузина Багратиони! Разной в указании возраста А. Г. Достоевского, присутствующий в клировых ведомостях церкви села Войтовцы (в записи 1801 г. ему 45 лет, а в записи 1808 г. — 51 год), позволяет предполагать, что скорее всего дед писателя родился около 13 декабря — дня памяти Св. ап. Андрея Первозванного, соименного ему святого. См.: Государственный архив Хмельницкой области (далее ГАХО), ф. 315, оп. 1, д. 6785, 6887 (клировые ведомости церковью Брацлавского уезда).

² Записанная в Луцких городских актах купчая крепость датируется 8 мая 1775 г. См.: ГАЖО, ф. 146, оп. 1, д. 2214, л. 13.

³ Достоевский А. М. Воспоминания. СПб., 1992. С. 28.

⁴ Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. М.: Север, 1933. С. 42.

⁵ См., например: Селезнев Ю. Достоевский. М. «Молодая гвардия», 1981. С. 10; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб.: «Академический проект», 1999. Т. III. С. 353.

1715 г. некоторую денежную сумму некой «Анне, жене Федора Гулеви-ча»⁶, о Федоре Достоевском (Достоянском) — православном протопопе соборной церкви Святителя Христова Николая Животовского церковного округа на Брацлавщине, 24 июня 1740 г. изгнанном из нее униатами⁷ и о Яне Достоевском (о котором речь пойдет ниже), характеризует не прямых предков писателя, а какие-то боковые звенья его рода. Наконец и самое главное, мы видим, что дед Ф. М. Достоевского родился *полноправным* шляхтичем. Указанное обстоятельство вновь обостряет вопрос, почему его сын (отец писателя) — М. А. Достоевский не пожелал восстанавливать былое дворянство своих предков, доказывая их родовитость.⁸

Вместе с тем накопленные к настоящему времени сведения позволяют заключить, что переезд Григория Достоевского состоялся не на пустое место: в окрестностях Брацлава уже давно селились какие-то его родственники. Что в свою очередь побудило их покинуть лежащие к северу земли предков? В этом вопросе еще предстоит разобраться.

Следующей вехой в нашем рассмотрении можно считать Яна (Ивана) Достоевского, первые сведения о котором были отысканы по печатным источникам еще в начале 1990-х гг. И. Л. Волгиным.⁹ Правда, до сих пор оставалось непонятным, к какому из звеньев рода писателя относится этот человек. Теперь же можно считать установленным, что это старший сын Григория Достоевского, брат деда писателя.¹⁰ Яркая и колоритная фигура Яна Достоевского, с 1779 по 1794 г. занимавшего место униатского, а не православного пароха (приходского священника) церкви Св. Архистратига Михаила в селе Скала (относящемся к той же Животовской протопопии на Брацлавщине)¹¹, обладавшего, благодаря браку с дочерью брацлавского официала¹² и пароха села Очеретня Романа Скочинского¹³, большим влиянием в своем крае и характеризующегося, судя по всему, гордым и независимым нравом, достойна отдельного описания.¹⁴ Сейчас следует только сказать: в том, что его младший брат — главный фигурант нашего рассмотрения — Андрей Достоевский тоже стал священником, влияние Яна Достоевского, возможно, было одним из определяющих. Как известно,

⁶ См.: *Wonecki A.* Herbarz Polski. Warszawa, 1901. Т. 1. 4. S. 391 («Опись постановлений и протоколов Любельского трибунала Брацлавского воеводства»). Введено в научный оборот М. В. Волоцким; И. Л. Волгиным цитируется с ошибкой в странице: *Волгин И.* Родиться в России. М., 1991. С. 79.

⁷ Опись протопопии Животовской приходов и церквей // Киевские епархиальные ведомости. 1892. № 16. С. 591 (введено в научный оборот И. Л. Волгиным; см.: *Волгин И. Л.* Родиться в России. С. 80).

⁸ См.: *Достоевский А. М.* Воспоминания. С. 29.

⁹ См.: Труды комитета для историко-статистического описания Подольской епархии. Каменец-Подольск, 1887. Вып. 3. С. 270, 310–311; также см.: *Волгин И. Л.* Родиться в России. С. 34–35, 80–81.

¹⁰ ГАЖО, ф. 146, оп. 1, д. 2214, л. 14.

¹¹ Центральный государственный исторический архив Украины (Киев), ф. 127, оп. 1012, д. 632, л. 1 (Метрическая книга с. Скалы Таращанского уезда).

¹² Следующее начальственное лицо в церковной униатской иерархии после епископа.

¹³ Впервые отмечено И. Л. Волгиным; см.: *Волгин И. Л.* Родиться в России. С. 34–35.

¹⁴ В ближайших планах авторов подготовить о Яне Достоевском отдельную публикацию.

в 1781 г. сходом местной громады (прихода) Андрей Достоевский был избран священником в лежащем юго-западнее Скалы селе Войтовцы, Винницкого повета, Немировского ключа.¹⁵ Избранию предшествовали весьма драматические события, обусловленные сложной историей этого края.

Несколько столетий подряд находящееся в сфере стратегических интересов России, Польши и Турции население центральных областей Украины постоянно было раздираемо внешними и внутренними противоречиями, то и дело втягивалось в различные, часто весьма кровавые конфликты, самым страшным из которых в интересующую нас эпоху была так называемая «Колиивщина» («Уманская резня») — антипольское и антифеодальное восстание гайдамаков под началом казацких старшин Железняка и Гонты весной и летом 1768 г. Между тем местная интеллектуальная и культурная элита, частью польская, частью с каждым годом все более и более полонизирующаяся, была совершенно оторвана от своего народа и большей частью смотрела на него как на быдло. Не следует забывать, что в то же самое время значительная часть этих земель была оккупирована русской армией под командованием графа П. А. Румянцева, проводящего последовательную пророссийскую протекционистскую политику, увы, далеко не всегда гуманными или даже законными методами. Волонтаристская и в чем-то очень не дальновидная политика власть имущих вела к резкому обострению местных противоречий, заставляя их подданных искать как бы «третий путь». За неимением альтернативы он связывался главным образом с униатской церковью. Таким образом, столкновения на религиозной почве, как известно, всегда одни из самых болезненных, были неизбежны. Весьма красочное описание одного из эпизодов этой вражды содержится в донесении подольского священника Василия Шаржинского. Его приход располагается в том самом селе Войтовцы, где совсем скоро предстоит утвердиться Андрею Достоевскому. Вот что он пишет своему непосредственному начальнику — переяславскому православному епископу Иллариону:

«Настоящего <1>780 года июля 25, в день усупения святыя Анны, протопопии брацлавской в местечке Летине (ныне поселок Литин Винницкой области. — Н. Б., А. Р.) по резону храма того дня, в приходской тамошней православной церкви празднуемого, случились быть сторонние православные священники, шесть их человек, з коих на всеошном бдениии как только един во время литии вышел в ризах на средину церкви, то униатский браиловский дзекан, прозванием Роделя с тридцатью униатами, кроме дьячков, вшед в церковь с дручьями, ножами и косами, нарочно к тому приготовленными и, устремясь на православных священников, начали бить <их>, между чем на стоявшем посреди церкви в ризах <священнике> на мелкие лоскутки расшарпали ризы и епитрахиль. Притом в такой

---

¹⁵ Труды комитета для историко-статистического описания Подольской епархии. Каменец-Подольский, 1889. Вып. 4. С. 198 (впервые отмечено И. Л. Волгиным; см.: Волгин И. Л. Родиться в России. С. 83).

азарт пришли, что один другого униата, своего товарища, не опознав, вместо православного священника, ударил косою по голове и в том разе отрубал ему ухо, разрезал щеку и часть носа, з чего произошедшее кровопролитие и осквернение дому Божия бывшие <в нем> православные люди, увидев, принуждены были к прекращению такова гвалта и забойства употребить всевозможные меры недопущением к тому униатов»¹⁶.

Надо сказать, что Войтовцы, лежащие на пересечении важнейших в этом крае путей из Липовца в Немиров и из Кальника в Брацлав, где издавна квартировали казачьи полки, были далеко не рядовым селом. Об этом говорит и само их название: ведь в нем сохранилась память о местном литовском правителе — старосте окрестных земель. В XIV в. здесь, на высоком холме над Сибком, был поставлен укрепленный замок, следы которого сохраняются до сих пор.¹⁷ Неудивительно в таком случае, что в интересующую нас эпоху Войтовцы неоднократно становятся ареной яростных столкновений различных враждующих сторон, в первую очередь — сторонников униатской и православной церкви. Известно, что особую остроту и ожесточение этой войне придал приезд на Брацлавщину в октябре 1780 г. некоего Евсевия, выдававшего себя за греческого Призренского (Презремского) митрополита, вынужденного бежать из Константинополя, а потом и из Бесарабии после убийства его близкого родственника, молдавского господаря Деки.¹⁸ Заручившись каким-то образом расположением и поддержкой самого Вицентия Потоцкого — могущественнейшего правителя окрестных земель (но отнюдь не покровителя православия), — Евсевий начал что есть силы трудиться над укреплением позиций православной церкви, объезжая местные приходы, совершая церковные службы, рукополагая священников, крестя, венчая и отпевая прихожан местных храмов. Об одном эпизоде бурной деятельности Евсевия — октябрьской службе в селе Фастовец — свидетельствует донесение уже знакомого нам Василия Шаржинского:

«Облачение на митрополите все, как следует, было архиерейское, богатое, собственное, якобы его, митрополита. <...> Во время того служения на литургии произвел митрополит той же Немировской протопопии вербовецкого православного священника Иоанна Левандовского, зятя его Василия, по прозванию неизвестного, — в диакона до той же вербовецкой

¹⁶ Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов. Минск: Лучи Софии, 1999. С. 170. Яркие и многочисленные примеры столкновений между православными и униатами см. также: Орловский П. Материалы по истории православной церкви в бывшем Брацлавском воеводстве 1776–1782 гг. // Подольские епархиальные ведомости. 1891. № 23. С. 465–479; № 24. С. 513–535; № 25. С. 560–583; № 28–29. С. 661–679; № 30. С. 700–713; № 31. С. 723–750; № 32. С. 764–778; № 33. С. 792–810; 1892. № 34. С. 619–626; № 36. С. 647–653.

¹⁷ Сецинский Е. Археологическая карта Подольской губернии. М. 1901; Роговий О. И. Липовеччина — батьківщина козацтва // Нове життя (газ.). 1990. №№ 117–126; Он же. Таємниця Війтовецького замку // Там же. 1994. 2 марта.

¹⁸ Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов. С. 169.

церкви. По литургии в той же церкви венчал митрополит <...> кальницкого протопопа сына его Даниила с дочерью <...> фастовецкого священника Хмелевича и, поблагословив в доме брачившихся, отъехал в Немиров»¹⁹.

Как и следовало ожидать, активная деятельность Евсевия чрезвычайно не понравилась ярому противнику православных — униатскому официалу Иоанну Любинскому. Сначала он пробовал увещевать своего оппонента словами, потом решил жаловаться на него Вицентию Потоцкому, но это не принесло желаемых результатов. Борьбу можно было бы считать и проигранной, особенно после того как жители местечка Немиров, одного из самых населенных в округе, которым Евсевий обещал открыть православную церковь (все немировские храмы к тому времени уже были захваченными униатами), стали угрожать Иоанну Любинскому откровенной расправой. Однако же официал отнюдь не сложил оружия и ждал только случая, чтобы вновь поднять знамя войны. 21 ноября 1780 г. Евсевий собрал на открытие немировской церкви все православное духовенство, призвав в Немиров и особо приближенного к себе войтовецкого священника Василия Шаржинского. Воспользовавшись этим, Иоанн Любинский во главе своих сторонников совершил набег на Войтовцы, учинив там настоящий погром в храме и в доме священника. Вот как свидетельствует об этом главный пострадавший — сам Шаржинский:

«Когда ж по обеде того ж самого дня (торжества православных в Немирове. — *Н. Б., А. Р.*) получил он, наместник, известие, что официал Любинский с шестьюдесятью униатскими попами и дьячками гвалтовно наехал в село Войтовцы, отбил приходскую его православную церковь, из собственного его, наместника, дому жену, детей и домашних разогнал и все имение заарестовал, то заносил о том на словах жалобу митрополиту, противу чего митрополит сказал: поедем туда все и будем бить за то униатов; велел ему прежде ехать, а сам вслед каретою своею туда прибыл, имея притом немировских обывателей, промышляющих тамо купечеством греков, вооруженных саблями и пестолями человек с десять. Но как только въехал он, наместник, в свой двор, то вдруг <униаты>, повозку и самого его окружив с дручьями, хотели бить, однако едва по усиленной просьбе <он> сам без повозки выпущен <был> с двора и о таком гвалтовном нападении собравшимся около двора на позорище тамошным обывателям протестовался, с прошением защищения. Между чем и митрополит начал приближаться к церкви своим поездом, которого увидев, народ бросился на колокольню звонить, а униаты, вслед устремились за оным, начали всех звонящих людей без уваги бить, от чего и народ принужденным был защищаться. Митрополит же, смотря на то з двора его наместника, велел народу, защищаясь, бить униатов за гвалтовнии нападения на их православные церкви. Потом митрополит возвратился в Немиров с намерением выехать другого дни в Варшаву для взнесения о таковых униатских на православных посягательствах его величеству польскому королю»²⁰.

---

¹⁹ Там же. С. 171.

²⁰ Там же. С. 173. Обращаем внимание, что тексты посланий Шаржинского написаны не по-украински, а по-русски.

Между прочим, в извлечениях из рапорта русского посла в Варшаве сохранилось и донесение об этом побоище, написанное Иоанном Любинским. (Почему об офицале и говорится здесь в третьем лице.) Оно содержит факты, отсутствующие в цитированном выше послании Шаржинского. Оказывается, за первым столкновением в Войтовцах последовало второе — в ночь на 4 декабря (по григорианскому календарю, то есть на 23 ноября ст. стилю):

«Он (Евсевий. — *Н. Б., А. Р.*) устремился с своими новообратившимися, фузеями и турецкими ножами вооруженными, на дом офицала, велел в колокола звонить и, держа в одной руке карабин, другою благословлял и собравшемуся народу кричал: „Вы, верующие во Иисуса Христа, бейте сих погибельных униатов!“ Вдруг бешенная толпа бросилась на офицала, на его причет и на его слуг. Некоторые отвели сего прелата в сторону и били его нещадно. Его вопль, его униженное прошение <о пощаде> утोलили наконец их лютость и спасли ему жизнь»²¹.

Слухи о войтовецкой заварухе достигли самого Киева, взбесив тамошнего кастеляна Стемпковского, известного усмирителя гайдамацких волнений.²² Сразу же был отдан приказ схватить баламута Евсевия, но тот, как мы уже знаем, поспешно выехал в Варшаву. Впрочем, офицал Иоанн Любинский торжествовал свою победу не только благодаря поддержке из Киева. Слишком уж развернувшегося в своей миссионерской деятельности Евсевия поджидал удар с неожиданной стороны. Его вмешательство в церковную жизнь епархии страшно возмутило переяславского епископа Иллариона — главного православного пастыря здешних мест. По жалобе Иллариона в Россию на дальнейшей деятельности Евсевия в окрестностях Брацлава и Немирова был поставлен крест.²³

Тем временем, уже 4 декабря (нов. стиля) 1780 г., — после второго войтовецкого погрома, — побожные жители села Войтовцы (то есть униаты) — церковный староста Яцко Орел и некто Иван Белоус — заносят в акты книги Брацлавской консистории жалобу следующего содержания:

«Найпревелебнейший вельможный наш пастырю! Мы — убогая громада села Войтовец, Немировского ключа, с глубокой нашей покорностью обращаемся к твоей отеческой защите и жалуемся на нашего пароха Василия Шаржинского, что он без нашего ведома, помимо присяги своему, а вместе и нашему пастырю, отдался во власть заграничного переяславского пастыря, неизвестного нам, нашим отцам и дедам; не смотря на наши советы и требования, он не только не обратился в лоно католической (в данном случае — униатской. — *Н. Б., А. Р.*) веры, но даже, изменивши заграничному переяславскому владыке, подчинился какому-то странствующему по чужим краям, не утвержденному никакою духовную властью, молдавскому или греческому епископу, а потому мы, опасаясь за наше

²¹ Там же. С. 174

²² Там же. С. 175.

²³ Там же. С. 174.

спасение, просим, чтобы Шаржинский, как вероотступник, был устранен от прихода и церкви и чтобы вместо него нам был дан другой униатский священник»²⁴.

Далее события развиваются следующим образом: 25 ноября (ст. стиля) Иоанн Любинский дает «власть на право разрешать (отправление церковных обрядов. — *Н. Б., А. Р.*) в требуемых случаях превелебному Ксаверию, гвардиану (то есть начальнику. — *Н. Б., А. Р.*) католического Жорницкого монастыря, а также монахам — Дионисию Качуровскому, Андрею Борщу и другим миссионерам того же Жорницкого монастыря ордена св. Франциска»²⁵. В Войтовцах готовятся встречать францисканцев? Однако уже завтра, 26 ноября, находясь в Жорнищах, Иоанн Любинский оглашает другое решение:

«Евстафий Туржанский, священник здешней диоцезии (епархии. — *Н. Б., А. Р.*), назначается коммендарием (наблюдающим за приходом. — *Н. Б., А. Р.*) при церкви во имя Успения Пр<есвятой> Богородицы в с<еле> Войтовцах, на вакантное место после отступничества тамошнего пароха»²⁶.

Неизвестно, сколь ревностно наблюдал свой новый приход священник Туржанский, неизвестно, прибыл ли он вообще в Войтовцы, но уже в следующем, 1781 г. году один из участников бурной авантюры митрополита Евсевия — попустительствующий ему коронный подкоморий Вицентий Потоцкий — подписывает презенту (рекомендательное письмо) на имя все того же митрополита Иассона Смогоржевского. Ее текст, опубликованный еще в 1889 г. (!), но оставшийся неизвестным ни М. В. Волоцкому, ни Л. П. Гроссману, введен в научный оборот только в 1991 г. И. Л. Волгиным:

«<...> В его, Потоцкого, имени браславского воеводства, винницкого повета, немировского ключа, с. Войтовке (неверно — Войтовцах. — *И. В.*²⁷), священник отступил от унии и ушел из прихода. На место последнего Потоцкий представляет к посвящению Андрея Достоевского, о котором ему сообщил его собственный уряд (администрация. — *Н. Б., А. Р.*) как о человеке, способным к исполнению священнических обязанностей, и которому он обещает беспрепятственное пользование землями и льготами, дарованными прежней эрекцией»²⁸.

²⁴ Труды комитета для историко-статистического описания Подольской епархии. Камень-Подольский, 1887. Вып. 3. С. 146. Впервые на связь этого документа с судьбой Андрея Достоевского указано И. Л. Волгиным.

²⁵ Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов. С. 173.

²⁶ Труды комитета для историко-статистического описания Подольской епархии. Вып. 3. С. 148. Введено в научный оборот И. Л. Волгиным.

²⁷ И. Л. Волгин первым правильно указал на ошибку в названии села (см.: Волгин И. Л. Родиться в России. С. 40). Однако при знакомстве с его рассуждениями создается впечатление, что исследователь не знал о существовании Войтовки, располагающейся не в относительно далеком от Немирова и Брацлава Ольгопольском уезде, а в непосредственной близости от них, чуть южнее Тульчина, но ныне переименованной в Суворовское. Во всяком случае, предложенные им аргументы не позволяют отличить два этих населенных пункта друг от друга. Отметим также, что на современных картах Украины село в окрестностях Ольгополя именуется Вийтовка.

²⁸ Труды комитета для историко-статистического описания Подольской епархии. Камень-Подольский, 1889. Вып. 4. С. 198.

Действительно, еще в 1737 г. Франциск Салерий Потоцкий декларировал права войтовецкого священника: «В интересы его как замок, двор, так и громада отнюдь не должны вмешиваться»²⁹.

Громкое имя Потоцких, некоронованных королей окрестных земель, конечно же, слепит глаза, однако все, что мы знаем о старинной (восходящей еще к Иерусалимской церкви) малороссийской традиции избрания местным сходом священника, заставляет думать: главную роль в определении судьбы Андрея Достоевского сыграли именно войтовецкие жители. Известно, что в те времена выбрать в священники могли любое, даже светское лицо, лишь бы оно нравилось приходу и умело справлять службу. Больше того, сразу же после своего избрания новоявленный священник получал ключ от церкви и уже мог служить в ней. А утверждение митрополитом по представлению местного помещика совершалось уже задним числом и носило вполне формальный характер.³⁰ Таким образом, можно не сомневаться, что свое служение в Войтовцах отец Андрей начал уже в 1781, а не в 1782 г., когда состоялось его официальное рукоположение.³¹ Впереди его ждал сорокалетний путь местного священника.

Цитированные выше документы не оставляют сомнения в том, что с новым пастырем связывались надежды на тишину и спокойствие после всех бурных событий последнего времени. Но почему все-таки местный сход избрал в священники именно этого человека? Чем завоевал он в глазах войтовецких жителей свой авторитет? На этот вопрос пока нет ответа — слишком мало мы знаем о личности деда писателя. С уверенностью можно говорить лишь о достаточно высокой образованности молодого пастыря.³² Конечно же, сыграла свою роль и фигура старшего брата — Яна Достоевского, к тому времени уже известного в округе как священника. Добавим, что, согласно бытующему преданию, Андрей Достоевский был весьма незаурядной личностью — ведь именно ему приписывается авторство одной из покаянных песен, вошедших в «Сборник благоговейных, покаянных и умилительных песен» (Богогласник), изданный в 1790 г. «в святей Лавре Почаевской тщанием иноков чину Св. Василия Великого»³³. Действительно,

²⁹ Там же. С. 200.

³⁰ Авторы благодарят за прояснение этого вопроса замечательного знатока киевской старины Анатолия Николаевича Макарова.

³¹ Клировые ведомости церковью Брацлавского уезда за 1798 г. См.: ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 6722, л. 24.

³² В отличие от большинства униатских священников, получивших лишь домашнее образование, А. Г. Достоевский учился риторике в базилианском коллегиуме при униатском Николаевском монастыре в Шаргороде. Сюда же он отправит и своих сыновей, правда, в начале XIX в. это будет уже не коллегиум, а православная семинария. См.: ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 6722, л. 24.

³³ Первым, кто обратил внимание на это стихотворение в аспекте родословия Ф. М. Достоевского, был Вадим Иванович Лествицин (правильность написания фамилии установлена Г. Ф. Коган). От него книга перешла к брату писателя А. М. Достоевскому, затем к его младшему сыну А. А. Достоевскому, который и поделился имеющейся у него информацией с М. В. Волоцким. Публикуя свою «Хронику рода Достоевского», последний ввел ее в научный оборот.

имеющаяся здесь под № 215 песня выполнена в форме акростиха, первые буквы начальных строф которого читаются как «ДОСТОЕВСКИ». Но кто ее автор? Дочь писателя Любовь Федоровна в своих мемуарах утверждает, что какие-то ее украинские друзья «в одной старой книге» начала XIX века видели стихотворение, читающееся именно как «*Андрей Достоевский*»³⁴. Быть может, речь идет о втором издании Богогласника, выпущенном той же Почаевской Лаврой в 1806 г.? Однако интересующая нас покаянная песня, значащаяся здесь уже по № 216, так же как и в первом издании не содержит в себе имени автора. Между прочим, мемуаристка называет виденный ее друзьями акростих «буколической», то есть пасторальной и, следовательно, обладающей совершенно иным содержанием поэмой. По счастью, критически оценить смущающее нас свидетельство помогает письмо А. А. Достоевского к М. В. Волоцкому 1924 г. (без более точной даты): «У меня имеется редчайший экземпляр этой книги (1-е издание 1790 г.) и Любовь Федоровна видела его у меня, а не у каких-то украинских друзей»³⁵. В это время племянник писателя и сам пытался прояснить личность автора покаянной песни³⁶, но результаты его разысканий, если ему вообще удалось что-нибудь узнать, неизвестны. Таким образом, сейчас семейное предание нуждается в веских подтверждениях. Ибо, почему же автором покаянной песни не быть, например, уже упомянутому выше Яну Достоевскому?

В 1781 г. Андрей Достоевский женится на 18-летней Анастасии.³⁷ Ни девичьей фамилии, ни даже отчества юной избранницы молодого священника мы пока не знаем. Едва ли не единственной ее характеристикой по прежнему остается широко известный фрагмент из воспоминаний брата писателя — Андрея Михайловича: «Про мать же свою мой отец, сколько я могу упомянуть, отзывался с особенным уважением, представляя ее женщиной не только умною, но и влиятельною в своем крае по своему родству...»³⁸.

Сегодня остается только догадываться, что это была за родня. За неимением фактов здесь возможны любые предположения. Может даже стать, что Анастасия Достоевская окажется дочерью одного из деятельных участников войтовецких батальон — Иоанна Любинского, занимавшего приход в недалеком от Войтовцов селе Зозове. Вот уж кто, действительно, был человек в округе влиятельный! Еще один Любинский — именем тоже Иоанн — несколько позже служил совсем рядом — в Володовцах.³⁹ Не сын ли это местного официала и — уж совсем смелое предположение — не шури ли он Андрею Достоевскому? В 1783 г. у молодого свя-

³⁴ См.: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 45.

³⁵ Отел рукописей Государственного литературного музея (Москва), ф. 81, оп. 1, ед. хр. 9, л. 2.

³⁶ См.: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 47.

³⁷ Возраст Анастасии на день бракосочетания устанавливается по косвенным данным; отправной точкой в расчетах явилось число лет, зафиксированных в записи о ее смерти; см.: ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 6848, л. 18 об.

³⁸ *Достоевский А. М.* Воспоминания. С. 28.

³⁹ Государственный архив Винницкой области (далее ГАВО), ф. 799, оп. 1, д. 37, л. 106.

щенника родился первенец — дочь Фотина.⁴⁰ В начале XIX в. она вышла замуж за некоего Яворского (возможно, отставного военного), но продолжала жить в родительском доме. С ней священник Андрей дождался и внуков: в 1804 г. у Фотины Яворской родилась дочь Елена.⁴¹ О том, что на родине у отца писателя «остался брат, очень слабого здоровья, и несколько сестер» биографам Ф. М. Достоевского было известно еще с выхода в свет мемуаров его младшего брата.⁴² Чуть позже М. В. Волоцкой частично опубликовал письмо двоюродной сестры писателя — Надежды Евфимовны Глембоцкой, содержащее ценнейшую информацию об именах и приобретенных в замужестве фамилиях теток Федора Михайловича.⁴³ Долгое время это письмо являлось просто уникальным, да и сейчас, в свете всего новонайденных документов, оно не теряет своего значения. Забавно, что по курьезному стечению обстоятельств Глембоцкая забыла новую фамилию именно у Фотины — единственной дочери священника Достоевского, чье имя и после замужества продолжает фигурировать в клировых ведомостях войтовецкой церкви, благодаря чему этот пробел легко восполнить. Архивные документы позволяют составить более точную роспись детей Андрея Достоевского, выстроенную по их старшинству: через пять лет после Фотины, в семье родилась дочь Анна (1788), затем шли сын Лев (1792)⁴⁴, дочери — Констанция (1793), Гликерия (названная Глембоцкой народным вариантом имени — Лукерья, 1795), Мария (1798) и, наконец, Фекла (1801). Что же касается старшего сына — Михаила (по понятным причинам нам более всего интересного), то наиболее авторитетные из известных на сегодняшний день свидетельств указывали: он родился в ноябре 1788 г.⁴⁵ Однако в свете новооткрытых документов это представляется мало вероятным. Впрочем, ранее одним из авторов этих строк было выдвинуто предположение, что отец писателя родился в 1787 г.⁴⁶ Таким

⁴⁰ ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 6865, л. 211.

⁴¹ Там же.

⁴² Достоевский А. М. Воспоминания. С. 29.

⁴³ См.: Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. С. 44–45. Полный текст письма с устранением ошибок и купюр см.: Материалы к биографии Достоевского. Письмо Н. Е. Глембоцкой / Публикация Н. Ф. Будановой и Н. Н. Богданова // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 16. С. 405–408.

⁴⁴ Таким образом, в ведомости учащихся Шаргородской семинарии, обнаруженной в Российском государственном историческом архиве (Петербург) Б. В. Федоренко (см.: Федоренко Б. В. О неясном в жизнеописании М. А. Достоевского // Достоевский и мировая культура. СПб., 1994. № 3. С. 22.), младшему сыну Андрея Достоевского прибавлено 2 года. Вероятно, этот подлог был необходим для поступления в семинарию. Интересно, что сам Лев Достоевский позже отнюдь не стремился к восстановлению истины и в 1828 г., собственноручно заполняя клировую ведомость, не стал снижать себе возраст (см.: ГАВО, ф. 799, оп. 1, д. 114, л. 20).

⁴⁵ Подробный анализ этой проблемы см.: Тихомиров Б. Материалы к родословной Достоевских // Достоевский и мировая культура. СПб., 1998. № 11. С. 188–198; см. также: Богданов Н. Н. Войтовцы — родовое гнездо Достоевских // Там же. СПб., 2003. № 18. С. 145–157.

⁴⁶ Роговий О. Легенда про Достоевского // Липовецькі вісті (газ.). 2002. № 87. (По замечанию Б. Н. Тихомирова, оба варианта года рождения М. А. Достоевского — и 1787, и 1788 — равно восходят к первичным документам, выписанным в стенах Шаргородской

образом, окончательное разрешение этого вопроса возможно только после нахождения записи о крещении М. А. Достоевского.

Интересно, что вместе с семьей священника Андрея живет и самый младший из братьев — Григорий (Георгий) Григорьевич, 1763 года рождения. До сегодняшнего дня об этом человеке вообще не было никаких свидетельств! Он холост, но при нем состоит какая-то «служалая» женщина Евдокия Федоровна.⁴⁷

***

У биографов Ф. М. Достоевского давно уже не было сомнений в том, что его дед, начавший свою духовную карьеру как униатский священник, после включения земель Брацлавского воеводства в состав Российской империи воссоединился с православием. Действительно, найденные документы полностью подтверждают это предположение. Правда, в них имеется некоторая несогласованность: сначала сам отец Андрей пишет о 1795 г. и указывает на имя воссоединившего его протоиерея Иоанна Строчкиго⁴⁸ — известного церковного деятеля того времени, вернувшего в лоно православия более 30 священников Винницкого и др. уездов. Однако в более поздней записи эта дата меняется на октябрь 1794 г., а имя воссоединившего иерея пишется уже как Иоанн Смотрецкий⁴⁹. Простая ли это ошибка памяти, или за указанием новой даты и нового имени скрываются куда более важные обстоятельства? Судить об этом с уверенностью пока невозможно. Во всяком случае, высказанное в свое время И. Л. Волгиным предположение, что Андрея Достоевского обращал в православную веру Василий Мокрицкий⁵⁰ — фигура не менее колоритная, чем описанный выше митрополит Евсевий, — следует признать ошибочным. К слову сказать, с Иоанном Строчкигом, Грановским протопопом Гайсинского повета, связан любопытный эпизод из истории борьбы православия с унией: сын отца Иоанна по замыслу самого митрополита Иассона Смогрожев-

---

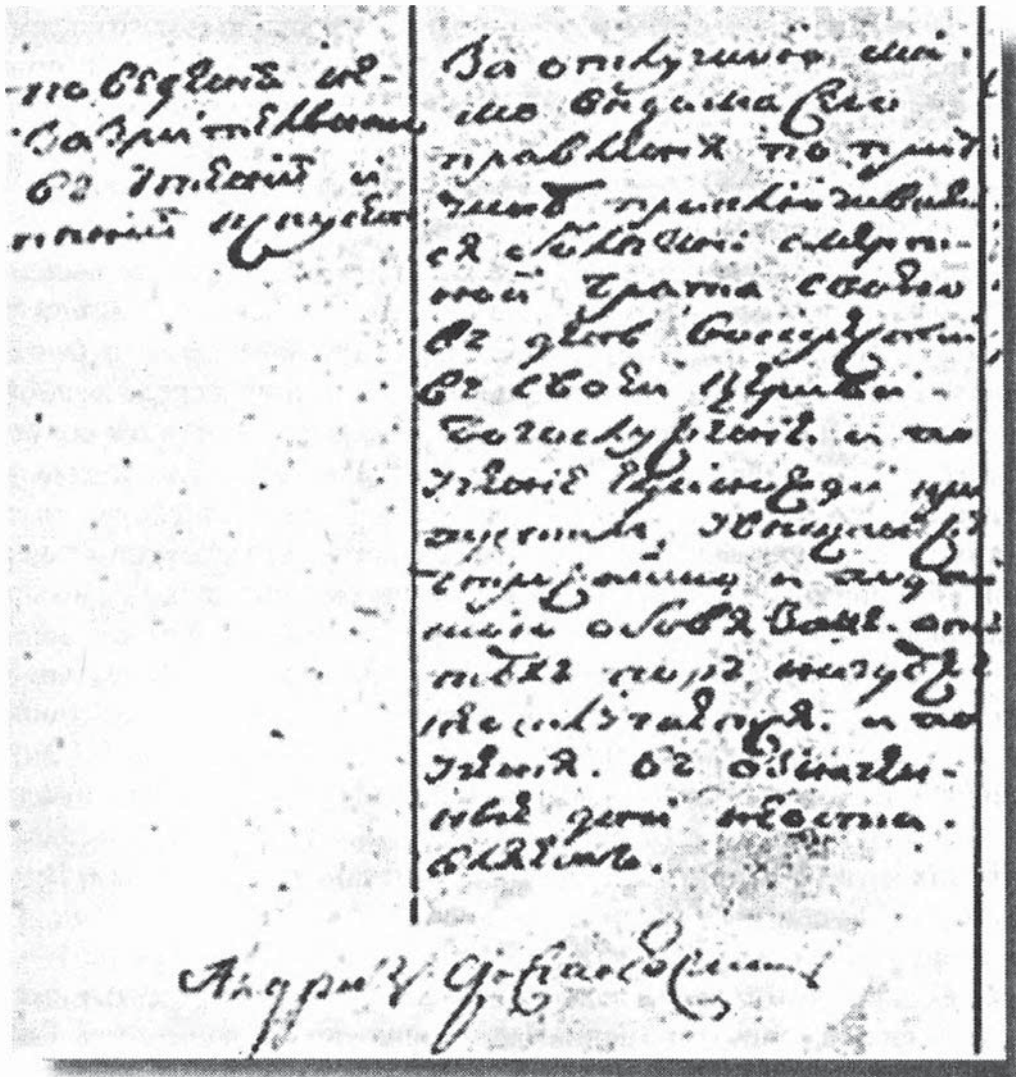
семинарии. Отправным документом, давшим начало традиции, закреплённой и в формулярных списках, явился опубликованный Н. Н. Богдановым аттестат, выданный М. А. Достоевскому в октябре 1809 г., когда он отправлялся в Академию. Там значится, что Михаилу Достоевскому «от роду 20-ть лет ныне». Если исходить из того, что день рождения М. А. приходится на ноябрь, то эта запись показывает на год рождения — 1788. Поскольку с этим документом отец писателя явился в Москву, то, очевидно, именно он был положен в основу всех последующих официальных документов. Однако в ведомости, составленной в январе 1809 г. в той же Шаргородской семинарии, г. у М. А. показан возраст 21 год. Если положить в основу данные Ведомости, то год рождения М. А. — 1787. Это совпадает с тем, что мы находим в Моногаровской церковной ведомости, которая составлялась в конце 1838 г. и где, очевидно со слов самого М. А., стоит возраст 51 год, то есть вновь — 1787 (последнее наблюдение сделано в книге: Волгин И. Л. Родиться в России. С. 96). — Ред.]

⁴⁷ ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 6865, л. 211.

⁴⁸ Там же, д. 6838, л. 21. Подробнее об Иоанне Строчкиге см.: Подольские епархиальные ведомости. 1891. № 34. С. 844–858.

⁴⁹ ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 7008, л. 23 об.

⁵⁰ Волгин И. Родиться в России. С. 42.

Автограф священника А.Г. Достоевского, деда писателя, в клировой ведомости церкви села Войтовицы за 1798 г. (публикуется впервые).

ского был назначен секретарем к генеральному визитатору униатских церквей Киевщины. Расчет влиятельнейшего интригана состоял в том, что подкупленный столь почетной должностью молодой человек будет доносить униатам на своего отца. Однако все вышло совсем наоборот: Строцкий-младший не только пренебрег ролью доносчика, но и, посещая множество униатских церквей во время инспекционных поездок по провинции, общал обо всем увиденном в православное епископство.⁵¹

Нет никаких оснований думать, что, воссоединяясь с православием, Андрей Достоевский просто «плыл по течению». Скорее напротив, можно предположить, что это был обдуманый и вполне искренний шаг. В пользу

⁵¹ Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов. С. 258.

такого рассуждения говорит любопытная легенда, еще не так давно бытовавшая в Войтовцах. Согласно ей, в местной церкви до самого ее разрушения в середине 1930-х гг. хранилась икона Успения Богородицы, подаренная Андрею Достоевскому самим Александром Васильевичем Суворовым!⁵² Это выглядит вполне правдоподобно: ведь с 15 июля по 6 августа 1794 г. знаменитый русский полководец квартировал совсем рядом — в Немирове, занимаясь расформированием польских частей на только что присоединенных к России территориях.⁵³ Больше того, выступив 14 августа по приказу Императрицы против польских повстанцев, он двигался на север (в сторону Бреста) и, следовательно, должен был проходить с частями своей армии если не через сами Войтовцы, то в непосредственной близости от них. Дарение иконы, как некий поощрительный жест сочувственно настроенному священнику, в этих обстоятельствах было весьма уместно. Ради полноты картины стоит упомянуть, что старший из братьев Достоевских не пожелал переходить в православие и был отлучен от церковной службы, передав свой приход в Скале новому священнику — Григорию Самойловичу.⁵⁴

Теперь же нам придется развеять одно источниковедческое «наваждение». Дело в том, что еще в начале 1990-х гг. И. Л. Волгин обнаружил в 12-м выпуске Подольских епархиальных ведомостей за 1873 г. весьма любопытную роспись благочиннических округов брацлавщины на 1796–97 гг. с указанием руководящих ими десятона начальников. Здесь среди прочих — во главе 2-го благочиния, включающего Бортники, Вышковцы, Забужье, Бушинку, Шелудки, Остапковцы, Волчок, Райгород, Соколец, Печору и Даньковку (как видим, села Войтовцы среди них нет) — значится некто Андрей *Достомский*. Учитывая большое количество имеющихся в публикации опечаток (например, Вышковцы названы здесь Васышковцами), равно как и невозможность самой фамилии Достомский, исследователь предположил, что речь может идти об Андрее Достоевском. Все это выглядело совершенно резонно. Больше того, высочайший исследовательский интерес к любым крупицам информации о носителях столь славной фамилии, конечно же, облегчал возможность увидеть в Достомском Достоевского.⁵⁵ Однако новонайденные документы свидетельствуют, что после начала своего священнического пути дед писателя как минимум до 1816 г. не покидал села Войтовцы⁵⁶. Как разрешить столь вопиющее

---

⁵² Записано войтовецким краеведом А. С. Асаулюком в 1954 г., когда он учительствовал в местной школе. Составленная им рукописная история села Войтовцы ныне хранится в Отделе коллекций Липовецкого райгосархива. В научный оборот эта легенда введена А. И. Роговым.

⁵³ См.: Суворов А. В. Письма. М.: Наука, 1986. С. 271–277.

⁵⁴ ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 6687, л. 248 (Метрические книги Пятигорской протопопии за 1796 г.).

⁵⁵ В свое время один из авторов этих строк полностью соглашался с подобным выводом. См.: Достоевский. Материалы и исследования. Т. 16. С. 407.

⁵⁶ См. метрические книги и клировые ведомости церковью Брацлавского уезда за 1795–1816 гг. (ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 6690, л. 71; д. 7008, л. 23. и др.).

противоречие? Пристальнее взглянемся в фамилии других священников, служащих в это время на брацлавщине. Разумеется, нас будут интересовать только тезки Достоевского. По счастью, их не так много: в 3-м благочинническом округе (куда входят и Войтовцы) служит Андрей Борковский (с. Воловодовка)⁵⁷, в прочих округах — еще трое: Андрей Осенский (м. Бугаков), Андрей Широцкий (в Краснянском предместье Новый Мост) и Андрей Шостаковский. Сей последний сначала занимает приход в местечке Шпииковское, затем перебирается в село Садки и наконец оказывается в селе Вышковцы (того самого — 2-го благочиннического округа)⁵⁸, название которого так безжалостно исказил нерадивый наборщик! Таким образом, нам не остается ничего другого, как предположить, что именно имя последнего и превратилось в своеобразный криптонимический мираж, с легкой руки И. Л. Волгина обольщавший нас более десяти лет. Расставаться с этим заблуждением довольно-таки грустно, поскольку «*наваждение Достоевского*» как нельзя лучше устраняло одно противоречие, восходящее к упомянутому выше письму Н. Е. Глембоцкой. Давно уже вызывало недоумение, почему эта свидетельница, столь точная во многих сообщаемых ею деталях, особенно тех, что относятся к украинским реалиям в жизни ее предков, именвала Андрея Достоевского *брацлавским протоиереем*? Никаких документальных свидетельств пребывания деда писателя в Брацлаве до сих пор не обнаружено. Однако столь досадное обстоятельство устранялось следующими, далеко не сложными умозаключениями. Дело в том, что благочиние Достоевского включало села, располагающиеся в непосредственной близости от Брацлава, причем одно из них — Волчок — к началу XX в. просто слилось с этим городком. Вероятно, вследствие этих обстоятельств главный городской иерей совмещал службы в Брацлавском Успенском соборе со службами в волчковской церкви.⁵⁹ Исходя из сказанного, можно было предположить, что двоюродная сестра писателя, зная это, как и то, что в свое время ее дед служил в Волчке, по простоте душевной распространила его деятельность и на Брацлав. Увы, теперь эта версия навсегда отходит в небытие: в свете новооткрытых фактов никакой связи Андрея Достоевского с Брацлавом уже быть не может! Впрочем, обращает на себя внимание тот факт, что и предшественник отца Андрея в Войтовцах — священник Василий Шаржинский и приемник его сына Льва Достоевского — священник Григорий Маниловский были благочинными.⁶⁰ Выпадение из столь почетного ряда фигуранта нашего рассмотрения представляется каким-то ложным и нуждающимся в устранении диссонансом! Впрочем, может быть, Н. Е. Глембоцкая хотела сказать, что ее дед был протоиереем *Брацлавщины*? Увы, используемая ею формули-

⁵⁷ ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 6690.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См.: Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета. Каменец-Подольский, 1901. Вып. 9.

⁶⁰ Там же. См. также: *Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов.* С. 170.

ровка — «протоиерей города Брацлавля» (так! — *Н. Б., А. Р.*) — не позволяет твердо настаивать на этом предположении...

***

В 1805 г. Андрея Достоевского постигает страшный удар: 11 декабря после тяжелой и длительной болезни в возрасте всего 43 лет умирает его супруга. Скупые стоки метрической книги гласят:

«14 декабря села Потоки священник Николай Люджевич села Войтовец священника Андрея Григорьева сына Достоевского умершую жену Анастасию, удостоившуюся пред этим исповеди и Святого Причастия, похоронил по христианскому обычаю»⁶¹.

Легко понять чувства осиротевшего семейства. Нам же необходимо задуматься о другом: краткая метрическая запись противоречит одной из самых известных историй об отце писателя — семейному преданию о материнском благословении сына Миши, отправляющегося в далекую и пугающую юного школяра Москву. Однако сейчас можно считать установленным, что отъезд Михаила Достоевского в первопрестольную состоялся лишь в октябре 1809 г.⁶², то есть без малого четыре года спустя смерти матери! Конечно же, она могла благословить сына и в 1801 г.⁶³, перед отправлением в Шаргородскую семинарию, но ведь в семейном предании ясно говорится о тяжком расколе между матерью и отцом, всеми силами противящимся отпадению сына от духовного сословия. Понятно, что к началу обучения того в духовной семинарии вся эта история не может иметь никакого отношения! Зато теперь становятся понятными чувства Михаила Андреевича, рано потерявшего мать и потому не способного вспоминать о родительском доме без какого-то щемящего чувства. Правда, возникает новый вопрос: почему столь любящий сын не назвал именем матери ни одну из своих четырех дочерей? Больше того, в одной из записных книжек Ф. М. Достоевского имеется краткая запись, сделанная в Дрездене 16 / 28 июня 1870 г., о сне, в котором ему привиделся отец. «...Потом у отца какой-то семейный праздник, и вошла его старуха-мать, моя бабка, и все предки. Он был рад» (27; 104).

То есть как это «старуха-мать»? Конечно же, любой сон — большее или меньшее искажение действительности. Однако оно не должно переходить определенных границ. Возьмем на себя смелость полагать, что в противном случае писатель специально отметил бы возникшее противоречие как какую-то странность. Но ведь этого не произошло! Полноте, так ли уж много Михаил Андреевич рассказывал своим детям об их бабушке?

---

⁶¹ ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 6848, д. 18 об. Выбор для отпевания и погребения Анастасии Достоевской именно этого священника, вероятнее всего, определяется близостью села Потоки — оно лежит всего лишь в нескольких верстах южнее села Войтовцы.

⁶² Центральный государственный исторический архив г. Москвы, ф. 433, оп. 30, д. 110, л. 12.

⁶³ Там же.

Найденное свидетельство о смерти бабки писателя позволяет усомниться в достоверности и еще одного, пожалуй, самого яркого и скандального предания о предках Ф. М. Достоевского. Совсем недавно, осенью 2002 г., в своей статье «Загадки в родословии Ф. М. Достоевского» о нем поведала бывшая заведующая Музеем-квартирой Достоевского Г. Ф. Коган.⁶⁴ Основываясь на утверждениях жены знаменитого московского библиофила И. Н. Розанова — Ксении Александровны Марцишевской, также относящей себя к *прямым потомкам* Андрея Достоевского, Г. Ф. Коган обнародовала совершенно сенсационную новость: по версии Марцишевской, дед писателя в свое время будто бы покинул законную семью, создав другую — не венчанную!!! Что и говорить, для человека, носившего священнический сан, такой поступок выглядит совершенно невероятным. Однако, подобно «наваждению» Андрея Достоевского, это предание также несло в себе черты некоего правдоподобия⁶⁵. (Мы не говорим уже о том, что столь достойная женщина, как К. А. Марцишевская, просто не могла выдумать *такой* истории на пустом месте!) Ее утверждение как будто объясняло многие из загадок в биографии ближайших предков писателя. Так, например, становилось понятным, почему столь скудны сведения о деде Достоевского — после такого шага он закономерным образом лишился сана и его имя исчезает из круга находящихся в поле зрения исследователей источников. Одновременно появлялся ответ на вопрос, почему отец писателя столь болезненно реагировал на любые расспросы о родительском доме и почему он вынужден был добиваться дворянства личными заслугами. Однако новонайденные документы лишают предание о драматическом разрыве священника Андрея с семьей правдоподобия. Во всяком случае он не покидал открыто своей жены! Таким образом, даже в самом крайнем случае деда писателя можно упрекнуть лишь в том шаге, на который много позже пошел его сын Михаил (овдовевший в *том же самом* возрасте!). Но и это маловероятно: благочинные округов зорко следили за тем, чтобы вдовы священники не держали при себе «засорных женщин». Да и кто мог быть новой избранницей Андрея Достоевского?! Среди всех его односельчан по своему положению в обществе на эту роль способна претендовать лишь 36-летняя шляхетка Анастасия Петровна, но она уже была замужем — за Александром Мартыновичем Курдибанским.⁶⁶ Нам остается лишь отметить, что К. А. Марцишевская, по всей видимости, принадлежит к потомкам какого-то *другого* Достоевского!⁶⁷

⁶⁴ Коган Г. Загадки в родословии Ф. М. Достоевского // Вопросы литературы. 2002. № 5. С. 375–382.

⁶⁵ Детальный анализ этой истории см.: Богданов Н. Н. «Кровь» Достоевских. Из разысканий об украинских родственниках писателя // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2004. С. 313–338.

⁶⁶ ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 6865, л. 211.

⁶⁷ Основания для такого предположения имеются; см. указ. статью «Кровь» Достоевских. С. 319.

***

Как доживал свой век отец Андрей Достоевский? Вероятно, в традициях того времени, он, как престарелый «священник, чувствуя приближение смерти или слабость сил, еще при жизни рекомендовал прихожанам избрать ему в преемники одного из сынов», чтобы подготовить того «заблаговременно к принятию священнического сана», «в помощь ему»⁶⁸. Документы свидетельствуют, что младший сын Андрея Достоевского — Лев, рукоположенный в священники еще 23 марта 1818 г. самим преосвященным Иоанникием сразу в городской — Ольгопольский Свято-Михайловский собор⁶⁹, в 1821 г. неожиданно переводится (приемником Иоанникия — преосвященным Антонием) в родное село Войтовцы.⁷⁰ Увы, скорее всего это означает, что его отец — священник Андрей Григорьевич Достоевский — скончался.

Дочь писателя Любовь Федоровна Достоевская в своей нашумевшей книге об отце высказывает не лишнюю остроумия мысль: «Достоевские испытывали потребность в том, чтобы объединить, связать свою блуждающую семью чем-то вроде нити Ариадны. Эта нить Ариадны, позволяющая найти их в лабиринте столетий, — их семейное имя „Андрей“. <...> В каждом поколении нашей семьи обязательно есть один Андрей и, как правило, это имя носит второй или третий сын»⁷¹.

Что ж, на этот раз мемуаристка, слова которой по большей части не заслуживают особого доверия, кажется, оказалась права: оглянемся на прочитанное — мы сильно продвинулись в наших поисках. И нас действительно вело славное имя *Андрея Достоевского!**

---

⁶⁸ Подольские епархиальные ведомости. 1873. № 7. Отд. 2. С. 236.

⁶⁹ ГАХО, ф. 315, оп. 1, д. 7171, л. 17.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Цит. по: Волгин И. Л. Родиться в России. С. 82.

* Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда (РГНФ), номер гранта 04-04-78408 а/Б.